

выкананні баявога задання гераічна загінуў, але доўгі час лічыўся без вестак прапаўшым. Толькі праз 16 гадоў пасля заканчэння Вялікай Айчыннай вайны стала вядома, як загінуў наш зямляк. Пахаваны лётчык-герой у брацкай магіле пасёлка Пятніцкае Валаконаўскага раёна Белгарадскай вобласці. У межах дадзенага праекта былі праведзены ўрокі Памяці для студэнтаў першага курса і навучэнцаў Пашкаўскай базавай школы-сад.

Сёння імя Фёдара Несцеравіча Храменкова носіць Пашкаўская школа-сад Магілёўскага раёна (да вайны Ф. Н. Храменкоў вучыўся ў гэтай школе), а таксама адна з вуліц вёскі Новае Пашкава.

Адносіны да духоўнай спадчыны свайго народа, да мовы сваіх продкаў вызначаюць агульную культуру і грамадзянскую пазіцыю кожнага беларуса.

«Беларуская мова – «адзежа душы» беларусаў», – пісаў Ф. Багушэвіч у прадмове да зборніка «Дудка беларуская». У родным слове найперш выяўляецца духоўная самабытнасць кожнага народа.

Паспяховае рашэнне задач маральна-духоўнага і патрыятычнага выхавання будучых спецыялістаў патрабуе арганічнага адзінства вучэбнай і выхаваўчай працы, выкарыстання самых разнастайных форм і метадаў навучання і выхавання.

УДК 930:947.6

Б. И. Сидоренко

МОГИЛЕВСКАЯ ВОЛОСТЬ В XII – СЕРЕДИНЕ XVI В.

Аннотация. Исследуется Могилевская волость как административно-территориальное образование в означенных хронологических границах до ее размежевания с волостным центром – Могилевом. Заострено внимание на политико-правовом положении волости в составе Великого княжества Литовского, ее эволюции как историко-географического объекта и статусном положении как низшей экономической и налоговой единицы государства.

Ключевые слова: волость, границы, эволюция, волостной центр, налоги.

Комплексное изучение истории Могилева в конце XX – начале XXI в. значительно расширило круг наших представлений о ранних, наиболее интересных страницах прошлого городского центра. Намного меньше исследована история Могилевской волости как административно-территориальной единицы, во многом обеспечивавшей усиление своего центра и способствовавшей его росту. Между тем эта волость выступает древнейшей административной единицей белорусской части верхнеднепровского региона, относящейся еще к эпохе Древней Руси и Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ). О том,

как проходило территориальное, социально-экономическое и политическое развитие волости в составе этих государственных систем, и пойдет речь.

С высокой долей вероятности можно предположить, что Могилевская волость в рамках Смоленской земли стала формироваться уже во второй половине XII в., когда, по археологическим данным, появляется и сам Могилев [1, с. 13, 15–20] как укрепленный центр, постепенно начавший контролировать сельскую округу, состоящую из несколько десятков неукрепленных поселений. Статус волостного центра Могилев, тогда еще крохотное городское поселение, получил в XII в., когда усилился процесс территориального размежевания между Смоленской и Полоцкой землями и ускорилось «окняжение» порубежных территорий. Формирование понятия «волость» в смысле территориальной единицы в рамках суверенного государства – «земли» происходило одновременно с формированием структуры государства Русь, а анализ употребления этого термина, этимологически восходящий к глаголу «володеть», показывает, что волость – это прежде всего княжеское владение, связанное с владетельными правами князя, а не города или иного субъекта [2, с. 156]. Уточненная хронология косвенно подтверждается текстом погодной записи из Могилевской хроники: «Года 1526-го. За Сигизмунда, короля польского и в шести годах будучи до его сына Сигизмунда Августа город Могилев заложен этот, а замок с волостью за несколько сот лет перед тем был» [3, с. 239].

Географическое положение, структуру и историко-топонимическую номенклатуру Могилевской волости хорошо иллюстрирует составленный в 1560 г. так называемый «Инвентарь Дубровенский», который относит к волости села: Онисковичи, Вейно, Голенишковичи, Вильчичи, Доманы, Супоничи, Углы, Кохановичи, Брылевичи, Следюки, Перекладовичи, Теляковичи, Кузминичи, Косминичи, Копаневичи, Лесутичи, Теплое, Остраневичи, Озаричи, Чавусовичи [4, с. 245–281]. Более поздний хронист игумен Орест в своих «Записках» сообщает, что могилевский замок «... был фольварком королевским. В древние времена к оному принадлежали как обыватели, жившие в Могилеве, так в окрестности Могилева жившие и все Чаусовского и Чериковского уезда крестьяне. Таковое обширное имение называлось волостию ...» [5, с. 1]. На протяжении рассматриваемого периода волость не имела постоянных границ и дважды меняла владельцев. В период территориального формирования державы Гедиминовичей она около середины XIV в., по мнению большинства историков-литуанистов, была присоединена к ВКЛ «силой оружия» и стала частью великокняжеского домена – личного наследственного земельного владения великого князя литовского. В XV в. волостью недолго владели Юрий и Иван Лингвеньевичи-Мстиславские, и тогда же волостные земли на могилевском левобережье оказались под властью князей Крошинских и Моссальских [6, с. 174], пока не закрепились за Толочковичами-Буйницкими [5, с. 6].

По некоторым документам с не совсем точной хронологией Могилевской волостью в конце XIV в. владела польская королева Ядвига, получившая волость в качестве свадебного подарка от своего мужа – великого князя литовского Ягайло [4, с. 10]. На протяжении XV в. трижды (1447, 1482, 1488) упоминается Могилевское наместничество, прочно закрепившее за волостью положение крупной административной единицы на востоке ВКЛ.

В 1503 г. Могилевская волость была пожалована Александром Казимировичем своей жене Елене Ивановне – дочери великого князя московского Ивана III, со всеми доходами, но только «до живота» (т. е. на время жизни), которой та владела до 1513 г. [3, с. 175]. Десятилетие в «скарб господарский» налоги от волости не поступали в связи с изменением ее статуса с великокняжеской на частновладельческую. В дальнейшем, уже при короле Сигизмунде I, волость находилась в «держанье» у Яна Щита. Взаимоотношения и взаимные права и обязательства волощан и «державцы» регулировала уставная грамота, составленная в ноябре 1513 г. Этот правовой акт создавался на основе соблюдения принципов «старины», заключающихся в сохранении прежних традиций и форм собственности и прав «державцы» на обращение в свою пользу суммы могилевских выплат, равных королевскому долгу. Уставная грамота 1513 г. и «запись» о платах и повинностях Могилевской волости при Елене Ивановне и Яне Щите явились главными актами, на которые ориентировалась вся позднейшая налоговая документация.

В апреле 1514 г. на тех же условиях, подкрепленных новой «уставой» с обязательным требованием «новин нашей волости некоторых не прибавляти», Могилев с волостью был отдан в «держанье» Юрию Зеновьевичу под условия погашения королевского долга в 1300 коп. грошей, предоставленного королю Сигизмунду I. В 1518 г. должность королевского наместника в Могилевской волости исполнял уже Ян Якубович Немирович.

Спустя два года, 16 января 1520 г. Могилев и волость были пожалованы князю Василию Соломерецкому «до его живота» с королевским пожеланием, «... чтобы он тымлюдем нашим могилевским легок был». Пожалование Могилева с волостью Соломерецкому произошло под «заставу» в 3000 коп. грошей, ушедших затем в качестве выплат в Крым на «упоминки царю Перекопскому». Финансовые услуги Соломерецкого королю имели последствием «выбирание пенязей его на три годы». Права князя на замок и волость были подтверждены Сигизмундом I в конце 1522 г. [8, с. 122–123].

Могилевская волость, как уже говорилось, будучи великокняжеским владением, управлялась либо частным лицом, как это было в случае с Ядвигой и Еленой (хотя в последнем случае от ее имени управлял ее личный представитель), либо наместником-«державцей», располагавшимся в волостном центре. Непосредственно на местах, в селах волостной глубинки власть сосредотачивалась в руках волостных «старцев» [9, с. 60], следивших за налоговыми поступлениями, поскольку налоги в «скарб господарский» платили

и город, и волость. Это же касалось городской и замковой повинностей, чрезвычайного воинского налога – «серебщины». В силу этого жители сельской волости и ее городского центра постоянно конфликтовали между собой по части разграничения повинностных работ и выплат налоговых долей, поскольку город и волость выступали как единое целое, и в случае уклонения от платежей истцом являлась вся волость.

Например, и город, и волость должны были платить налоги на необрабатываемые земли, лежащие «впусте», хотя было очевидно, что под налогообложение попадали не городские, а именно волостные земли [10, с. 8–9], и эти выплаты не должны были касаться жителей города. В свою очередь могилевские мещане протестовали против своего участия в замковых работах в Мстиславле и требовали, чтобы их использовали исключительно для работ в могилевском замке, а в «замках украинских» ежегодно в количестве 50 человек должны были работать жители волости. Но и волощане не хотели принимать участие в ремонте мстиславского замка и в 1537 г. добились разрешения короля Сигизмунда I на выполнение ремонтных работ исключительно в могилевском замке [10, с. 38]. В дальнейшем доли мещан и волощан все более дифференцировались в силу того, что им было трудно договориться между собой. Из «вырока господарского» (судебного решения) короля Сигизмунда Августа от 12 августа 1555 г. следовало: «А мещане поведели, ижъ у поплатков и по всех повиностях противку волощан дають и сполняють пятую часть, а волость чотыри части робить ...», поэтому было решено «... а работы замков наших, также и Могилевского замку четвертую часть им робити, а три части иных замков наших, и теж Могилевского замку волощане робити мають» [10, с. 66–67].

Хозяйственную основу жизни волости составляли общие повинности и налоги. Волость представляла естественную административную единицу, связанную внутри общей уплатой податей и отправлением повинностей. Налоги, как правило, определялись на целую волость, а не на дворы и не на лица. Так как в старину волость включала в себя и центральный город, и окрестные села, то и общие повинности распределялись на то и на другое вместе [11, с. 381]. Если условия «держанья» волости нарушались со стороны наместника, который в силу своих служебных обязанностей занимал промежуточное положение между великим князем и могилевскими мещанами и волощанами, то последние жаловались в Вильно и в город присылался либо королевский ревизор, либо целая комиссия для объективного расследования. Иногда при назначении на должность следовало вразумительное предупреждение, как это было в случае с Юрием Зеновьевичем: «А мимо тую нашу уставу пану Юрью новин волости нашей некоторых не прибавляти: мает сясправовати и рядити во всем по тому, как в сем нашем листе выписано» [12, с. 113]. Так было и с Василием Соломерецким, который вопреки обязательствам королевского «пожалования» жителям Могилева «кривды и тяжкости им великие

делал» [10, с. 24]. Отметим любопытный факт – в многочисленных и острых конфликтах «людей могилевских» с «державцами» великий князь брал сторону волости и наместнику выносилось предупреждение о том, что тот может расстаться со своей должностью. Обязательства сторон как правосубъектов (великий князь, наместник, мещане, волощане) тщательно фиксировались в «грамотах», «уставах», «листах», «выроках», копии их отсылались в Могилев, а оригиналы заносились в книги записей и судебных дел и оседали в Литовской Метрике, как принято называть архив государственной канцелярии ВКЛ. Вопросы владетельных прав и стоящих за ними общественных отношений решались в правовом поле, что помогало избегать в этих отношениях наиболее острых и радикальных форм классовых протестов.

В нашем случае положение стало меняться со второй половины XVI в., когда Могилев стал крупнейшим городом и важным экономическим и оборонным центром на востоке белорусской части ВКЛ. Город по своим демографическим, экономическим и финансовым возможностям стал намного превосходить волость, что позволило верховной королевской власти выделить его в обособленную от волости административную и налоговую единицу. В 1561 г. Сигизмунд Август издал грамоту «О вольностях и повинностях Могилевских граждан, также о количестве податей, назначенных новым королевским уставом ко взносу в казну с земель, товаров и ремесел» [12, с. 20–27], по которой Могилев окончательно выделялся из состава волости. При этом сама волость сохраняла свой административно-правовой и хозяйственно-налоговый статус в государстве до первого раздела Речи Посполитой 1772 г. и вошла в состав Могилевского уезда как новой административной единицы уже в границах вновь образованной Могилевской губернии Российской империи. Термин «волость» в этом государстве не исчез из политико-административного лексикона, но теперь он стал обозначать гораздо меньшую административную единицу самого низшего порядка уже в границах уезда.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Марзалюк, І. А.** Магілёў у XII–XVIII стагоддзях / І. А. Марзалюк. – Мінск: Веды, 1998. – 258 с.
2. **Горский, А. А.** Русь в конце X – начале XII века: территориально-политическая структура («земли» и «волости») / А. А. Горский // Отечественная история. – 1992. – № 4. – С. 154–161.
3. Могилевская хроника Т. Р. Сурты и Юрия Трубницкого. Полное собрание русских летописей. – Москва: Наука, 1980. – Т. XXXV, приложение I. – 305 с.
4. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси: издаваемый при Управлении Виленского учебного округа: в 15 т. – Вильна: Печатня О. Блюмовича, 1867. – Т. 3. – 365 с.
5. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси: издаваемый при Управлении Виленского учебного округа: в 15 т. – Вильна: Печатня О. Блюмовича, 1867. – Т. 2. – 391 с.

6. Баркулабовская летопись. Полное собрание русских летописей. – Москва: Наука, 1975. – Т. XXXII, приложение I. – 234 с.
7. Lietuvos Metrika. Kniga № 25 (1387–1546): Uzasymu knyga 25 / Parengė E. Banionis, A. Baliulis. – Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 1998. – 460 p.
8. **Любавский, М. К.** Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского Статута / М. К. Любавский. – Москва: Моск. ун-т, 1892. – 998 с.
9. Lietuvos Metrika. Kniga № 10 (1440–1523): Uzasymu knyga 10 / Parengė E. Banionis, A. Baliulis. – Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1997. – 178 p.
10. **Довнар-Запольский, М. В.** Очерки по организации западно-русского крестьянства в XVI веке. Приложение / М. В. Довнар-Запольский. – Киев: Киев. 1-я артель печатного дела, 1905. – 307 с.
11. **Владимирский-Буданов, М. Ф.** Формы крестьянского землевладения в литовско-русском государстве XVI века / М. Ф. Владимирский-Буданов // Киевский сборник в помощь пострадавшим от неурожая. – Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1892. – С. 357–386.
12. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. – Санкт-Петербург: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1848. – Т. 2: 1506–1544 гг. – 437 с.
13. Белорусский архив древних грамот. – Москва: Тип. Селивановского, 1824. – Ч. 1. – 148 с.

УДК 94:39:316.7:314.117(476.4-37Могилев) «193»

М. И. Старовойтов

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК НАСЕЛЕНИЯ МОГИЛЕВСКОГО РАЙОНА В КОНЦЕ 1930-Х ГГ.

Аннотация. На основе оригинальных рассекреченных архивных материалов Всесоюзной переписи 1939 г. показаны численность, национальный состав, уровень грамотности населения Могилевского района, достигнутый к концу 1930-х гг. как прогрессивный результат советской национальной политики. Абсолютное большинство белорусов проживало в сельской местности, что являлось сдерживающим фактором в росте их уровня грамотности и образования. По этому показателю белорусы Могилевщины были на пятом месте среди наиболее численно представленных других национальностей, здесь проживавших.

Ключевые слова: национальный состав населения, уровень грамотности и образования, Могилевский район, конец 1930-х гг.

На динамику численности и национального состава населения районов и в целом БССР в межвоенный период существенное влияние оказали изменения в темпах естественного прироста населения, внутриреспубликанская и общесоюзная миграции, репрессивные меры (выселение, переселения) и др. Эти процессы затронули и население Могилевского района. Некоторая часть сельского населения района (в основном молодежь) участвовала в строи-